

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ, РОССИЙСКОЙ И СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

УДК 94 (571.1) «1861–1914»

Д. Н. Белянин

*Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

ЭТАПЫ, ЗАДАЧИ И ИТОГИ ПОЛИТИКИ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ В 1861 – 1914 ГГ.

Статья посвящена анализу государственной политики аграрно-крестьянской колонизации Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Правительственные цели в отношении переселений за этот период неоднократно менялись. В соответствии с менявшимися целями автором выделено несколько этапов переселенческой политики, обозначены характерные черты и особенности каждого этапа. Результатами государственной политики крестьянских переселений стало закрепление России в Сибири и на Дальнем Востоке и хозяйственное освоение пустовавших земель.

Ключевые слова: крестьянские переселения, аграрная колонизация Сибири, переселенческая политика Комитета Сибирской железной дороги, Столыпинская переселенческая политика, итоги крестьянских переселений.

Тема аграрно-крестьянской колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX. вв. стала объектом исследования отечественных историков с середины XX в. Однако к концу XX в. многие вопросы этой темы были слабо изучены или не изучены совсем. Современные историки за последние 2–3 десятилетия немало сделали, чтобы эту ситуацию исправить. К настоящему моменту накоплен значительный фактический материал по многим вопросам, не изучавшимся ранее. Историками в значительной степени исследован вопрос о переселенческой политике Комитета Сибирской железной дороги. Этот вопрос получил освещение в трудах И. Л. Дамешек и Л. М. Дамешек [Дамешек И., Дамешек Л., 2014, с. 201–210], С. К. Канна [Канн, 2008, с. 129–131], А. В. Ремнева [Ремнев, 1994, с. 41–49], Л. Б. Ус

[Ус, 2007, с. 36–39]. Сибирские историки А. Ю. Карпинец [Карпинец, 2003] и А. В. Филимонов [Филимонов, 2018] исследовали вопрос финансирования государством переселенческого дела, уральский историк В. Е. Смирнова на материалах госархива Челябинской области изучила вопрос об организации перевозки переселенцев и об оказании им в пути медицинской помощи [Смирнова, 1998].

Заметный вклад в исследование темы крестьянской колонизации Сибири внесли историки Института истории СО РАН. Коллективом сотрудников этого института была опубликована монография, посвященная аграрным переселениям на восток в конце XIX – середине XX вв. [Массовые аграрные..., 2010]. В контексте исследования аграрной истории Сибири затрагивает проблему крестьянских переселений В. А. Ильиных [Ильиных, Ноздрин, 2007]. М. В. Шиловский и Д. Я. Резун предприняли попытку исследовать аграрную колонизацию Сибири в контексте теории фронта [Резун, Шиловский, 2005].

Перспективным направлением в последние десятилетия стало исследование специфики Столыпинских реформ в регионах Сибири. Среди трудов сибирских историков, изучающих реализацию Столыпинской реформы в отдельных регионах, следует отметить диссертации Н. В. Захаровой [Захарова, 2004], Н. С. Зуевой [Зуева, 2016], К. А. Пожарской [Пожарская, 2009], С. А. Сафронова [Сафронов, 1996], монографию коллектива алтайских историков В. Н. Разгона, А. А. Храмкова и К. А. Пожарской [Разгон, Храмков, Пожарская, 2013], монографии Д. Н. Беянина [Беянин, 2003], М. К. Чуркина [Чуркин, 2006], [Чуркин, 2012, с. 261–266]. В настоящий момент историками активно исследуются вопросы организации помощи переселенцам со стороны земств [Фортун, 2018, с. 69–74], медицинской помощи переселенцам [Утиспаева, 2018, с. 160–162], строительство школ [Гизей, 2012, с. 51–54] и церквей [Беянин, 2018, с. 17–21] в переселенческих поселках.

Таким образом, к настоящему моменту историками накоплен значительный массив фактического материала по различным аспектам переселенческой проблематики. Актуальным становится вопрос обобщения и концептуального осмысления накопленных фактов. В настоящей работе предпринимается попытка выделения этапов государственной политики аграрной колонизации Сибири от момента освобождения крестьян до 1914 г., анализ задач и форм реализации этой политики и ее итоги. Выделение нижней границы – 1861 г. – обусловлено отменой крепостной зависимости крестьян, что позволяло крестьянам выходить на переселение, руководствуясь собственными желаниями и хозяйственными интересами, а не интересами помещиков. Верхняя граница – 1914 г. – обусловлена началом Первой мировой войны, сопровождавшейся временной приостановкой переселенческой политики и сокращением переселенческого движения. Критериями выделения этапов стали цели и характер переселенческой политики Российского государства, которые достаточно четко прослеживаются по законодательным актам, циркулярам и внутриведомственным делопроизводственным документам госучреждений Российской империи.

Первый этап 1861–1880 гг. Он характеризуется отсутствием единого переселенческого законодательства о крестьянских переселениях. Это было результатом отсутствия у правительства концепта переселенческой политики. После аграрной реформы 1861 г. считалось, что свободные крестьяне должны сами решать свои проблемы, связанные с естественным приростом, за счет интенсификации своих хозяйств, аренды или покупки земли [Тернер, 1901, с. 113–114]. Либеральные реформаторы 1860-х гг. опасались, что законодательное оформление права на свободное переселение повлечет за собой развитие «вредной подвижности и бродяжничества» среди крестьян, будет угрожать экономической и социальной стабильности [Родигина, 1997, с. 13]. Так, в 1868 г. был опубликован циркуляром, разрешавший крестьянам получать казенную землю в Самарской, Уфимской и

Оренбургской губерниях. Потенциально этот циркуляр открывал широкие возможности для развития переселений, но действовал всего несколько месяцев и был отменен в том же 1868 г. Причиной его отмены стало стремление предотвратить усиление переселенческого движения [Кауфман, 1905, с. 23].

Хотя правительство в 1861–1880 гг. не имело сформулированной концепции переселений, но полностью игнорировать переселенческий вопрос не могло. В первые пореформенные годы допускалось переселение для некоторых немногочисленных социальных групп: половников Вологодской губернии, горнозаводских мастеровых, однодворцев, крестьян мелкопоместных имений и батраков Инфляндских уездов Витебской губернии. Разрешение переселяться для них, было связано исключительно с необходимостью оказания помощи нуждающимся [Риттих, 1882, с. 46].

30 июля 1865 г. вышел закон, разрешавший крестьянские переселения в Алтайский горный округ. Поводом для его издания стало прибытие в Алтайский округ 30 семей переселенцев, которые обратились с просьбой о разрешении приписаться. Одновременно Алтайское горное правление обратилось в Кабинет с запросом относительно живших без причисления в округе 4 368 новоселов [Алтай..., 1890, с. 330]. Инициативу издания этого закона поддержал и генерал-губернатор Западной Сибири, который отмечал, что переселяющиеся в Западную Сибирь часто просят водворить их именно в Алтайском горном округе. Речь шла только о государственных крестьянах. [Высочайше утвержденное..., 1867, № 42353]. Закон 30 июля 1865 г. имел ввиду цель хозяйственное развитие Алтайского округа Кабинета Его Величества (КЕВ).

После подписания соглашений с Китаем и Японией крестьянам было разрешено переселяться на Дальний Восток. В 1861 г. вышли особые правила о поселении в Приамурском крае. По этим правилам всем желающим разрешалось селиться в Амурской и Приморской областях, переселенцам

предоставлялись по 100 десятин на семью, льготы по отбытию воинской повинности (освобождение от рекрутских наборов на 10 лет) и податные льготы (на 20 лет освобождение от всяких платежей казне). В 1866 г. для переселявшихся в Южно-Уссурийский край была установлена выдача ссуд (до 100 рублей на семью) и запаса продовольствия на год. В середине 1870-х гг. было издано особое положение о колонизации киргизской степи. По этому положению помимо различных льгот переселенцы получали безвозвратное пособие в 20 рублей на семью и лесной материал для построек [Кауфман, 1905, с. 20]. Эти законы касались переселений в пограничные районы и должны были способствовать усилению окраинных регионов русским элементом. Конечная цель переселений на Дальний Восток и в киргизскую степь, несомненно, была связана с соображениями геополитического характера.

На остальные районы Азиатской России переселенческое законодательство не распространялось. Поэтому крестьянские переселения в 1861–1880 гг. носили в основном самовольный характер. Система учета переселенцев в этот период отсутствовала, поэтому определить точное число переселившихся не представляется возможным. По примерным оценкам А. М. Анфимова, в 1861-е – 1884 гг. за Урал и на восточные окраины прибыло около 300 000 душ или около 10 000 в среднем в год [Анфимов, 1980, с. 19]. Эти данные носят весьма приблизительный характер и могут рассматриваться лишь как ориентировочные. Таких самовольных переселенцев правительство потом легализовало специальными законодательными актами. Так, были официально причислены по месту фактического проживания новоселы, самовольно поселившиеся в Оренбургской и Уфимской губерниях [О распространении..., 1874, № 49230], затем в Тобольской и Томской [О переселенцах..., 1878, № 56571].

Новейшие исследования показывают, что в конце 1860-х гг. велась работа по разработке общего переселенческого закона, но этот закон не

был принят из опасений дестабилизировать обстановку в российской деревне [Никоненко, 2006, с. 17–18].

Второй этап 1881–1892 гг. Он характеризуется появлением переселенческого законодательства и попыткой правительства выработать концепцию аграрной колонизации Сибири. К мысли о необходимости переселенческого законодательства в правительстве вновь вернулись на рубеже 1870–1880-х гг. Причин такого изменения взглядов было несколько. Во-первых, к началу 1880-х гг. движение переселенцев в Сибирь возросло. Эти переселения носили самовольный характер, и государство вынуждено было на это реагировать, придать таким переселениям упорядоченный и регулируемый характер.

Во-вторых, тема крестьянских переселений за Урал была тесно связана с необходимостью усиления позиций России на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Об этом прямо писали многие публицисты и общественные деятели. Например, Н. М. Ядринцев считал, что крестьянские переселения решат сразу несколько проблем Российской империи: уменьшат малоземелье в Европейской России, позволят освоить природные богатства Сибири, создадут предпосылки для развития промышленности, что приведет к увеличению государственных доходов, а также усилят позиции России в Азии [Ядринцев, 1882, с. 147–150, 160–162]. Н. М. Ядринцев связывал процесс колонизации Сибири с необходимостью противостоять выходящим из «застоя» Японии и Китаю [Ядринцев, 1880, с. 483, 485]. Похожее мнение еще более рельефно высказал Ф. М. Уманец. Он без обиняков писал, что российская колонизация на востоке имеет военное значение и всякое завоевание без колонизации непрочное. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами, а хорошо проведенная колонизация не только оградит нашу границу в случае столкновения с Китаем, но и предупредит само столкновение [Уманец, 1884, с. 33–34].

В-третьих, вопрос о государственном участии в переселенческом процессе неоднократно поднимали чиновники высокого ранга. Так, губернатор Томской губернии в отчете за 1881 г. предложил использовать переселения для борьбы с земельной теснотой в Европейской России, создать в Томске переселенческую комиссию, командировать в Томскую губернию межевых чинов для отвода участков переселенцам и оказывать медицинскую помощь для предупреждения инфекционных болезней и эпидемий [ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 16–17]. Генерал-губернатор Западной Сибири в 1876 г. предлагал развивать заселение русскими крестьянами степных районов Семипалатинской и Акмолинской областей [Всеподданнейший отчет..., б.г., с. 2–3]. Сторонниками легализации и развития крестьянских переселений были глава Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликов [Никоненко, 2006, с. 19] и министр финансов Н. Х. Бунге. Идеи Н. Х. Бунге нашли поддержку у А. А. Абазы и министра госимуществ Н. П. Игнатьева. В начале 1881 г. в недрах МГИ при участии Куломзина и Ермолова началась разработка переселенческого закона. Правда, после отставки либеральных министров разработка переселенческого закона пошла по менее радикальному пути [Степанов, 1987, с. 108–111].

Возглавивший при Александре III МВД Д. А. Толстой предложил достаточно умеренный проект переселенческого курса. Он считал, что потребность в выселении части крестьян есть только в 7 губерниях Черноземья, в 3 малороссийских и двух волжских. В других губерниях имелись свободные земли, и Толстой считал, что крестьян из этих губерний следует расселять в пределах губерний их проживания [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 161об.]. Принцип свободы переселений Д. А. Толстой отвергал. По его мнению, переселения должны были полностью подчиняться руководящей роли правительства, которое могло бы останавливать переселение, если оно предпринималось недостаточно осмотрительно, без необходимых средств и ясно намеченной цели. Однако и умеренные предложения Д. А.

Толстого были восприняты отрицательно в правительственных кругах. Так, на совещании министров было отвергнуто предложение об образовании переселенческих контор и особого центрального переселенческого учреждения [Кауфман, 1905, с. 20–28].

В итоге правительство 10 июля 1881 г. приняло временные правила, которые не подлежали обнародованию. По этим правилам главы МГИ и МВД могли разрешать переселение крестьянам, имевшим земельные наделы менее $\frac{1}{3}$ от нормы, установленной Положением 19 февраля 1861 г. [Чиркин, 1922, с. 88]. Выдача разрешений должна была осуществляться на основе результатов обследования экономического быта просителей, производимого местными крестьянскими учреждениями [Колонизация Сибири..., 1900, с. 107–108]. Положением Комитета министров 12 июля 1881 г. для содействия крестьянам, направлявшимся в Западную Сибирь, «в виде опыта» было решено образовать особую контору в с. Батраки у переправы через Волгу [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 26–26об.].

13 июля 1889 г. был принят полноценный закон о переселениях, который стал логическим продолжением правил 1881 г. Этот закон также отражал идею государственного регулирования переселений, что было закреплено в первых двух его пунктах. Для облегчения переселений крестьян закон 1889 г. несколько ослабил давление общины на желавших переселиться – получившие разрешение на переселение не обязаны были испрашивать увольнительный приговор от своего общества. Закон 1889 г. предоставлял переселенцам ссудные и налоговые льготы, придавал легальный статус самовольным переселенцам, прибывшим ранее в Западную Сибирь, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области [О добровольном переселении..., 1891, № 6198].

Временные правила 1881 г. и закон 1889 г. преследовали 2 основные цели: противодействие земельной тесноте в Европейской России и государственное регулирование переселенческого движения. Фактически же

эти цели были взаимоисключающими. Стремление регулировать переселенческое движение неизбежно вело к тому, что задача борьбы с аграрным перенаселением отходила на второй план. Со времени издания временных правил 1881 г. официальное разрешение на переселение получили: в 1881 г. – 15 семей, в 1882 г. – 33, в 1883 г. – 377, в 1884 г. – 550, в 1885 г. – 1 277, в 1886 г. – 5 490, в 1887 г. – 9 094, в 1888 г. – 13 109 семей. С изданием закона 1889 г. количество выданных разрешений не только не возросло, но даже уменьшилось: в 1889 г. разрешения получили 2102 семьи, в 1890 г. – 7594 и в 1891 г. – 7593 семьи [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 28об.].

Отличительной чертой второго периода переселенческой политики (1881–1892 гг.) стала тенденция к увеличению переселенческого движения в Сибирь не только абсолютно, но и относительно. Если в 1877–1881 гг. из Полтавской губернии в Сибирь направлялось лишь 2,2% переселявшихся, то в 1887–1891 гг. уже 17,3%, а в 1892–1893 гг. вообще 70,6% [Ямзин, 1912, с. 10]. Из Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии в 1877–1881 гг. выселилось 1078 семей, из них 988 направились в Томскую губернию (Бийский уезд) [Доклад Рязанской..., 1881, с. 10, 13]. По данным регистрации, через Тобольскую губернию в 1885 г. проследовало 9542 душ обоего пола, в 1888 г. – 25735, в 1891 г. – 64248, а всего за 1885–1892 гг. – 273400 человек переселенцев [Сибирское переселение..., 1899, с. 352–353].

Переселения в 1880-х – начале 1890-х гг. в основной массе были самовольными. Поток переселенцев в Сибирь, особенно в 1891–1892 гг. был настолько большим, что 6 марта 1892 г. специальным циркуляром правительство временно приостановило выдачу разрешений на казенные и кабинетские земли [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154. Л. 29].

Третий этап 1893–1905 гг. связан с переселенческой политикой, проводимой Комитетом Сибирской железной дороги (КСЖД). КСЖД был сформирован в декабре 1892 – январе 1893 гг., действовал до 1905 г. (хотя

последнее заседание КСЖД прошло 17 декабря 1903 г.). Основной задачей КСЖД было руководство строительством железной дороги и связанных с ней вспомогательных предприятий [Дамешек Л., Дамешек И., 2014, с. 207–209], но на деле функции Комитета был гораздо шире. Как верно отметил С. К. Канн, КСЖД был нацелен на решение еще и военно-политических задач, так как строительство транзитной магистрали далеко выходило за рамки обустройства азиатских владений Российской империи [Канн, 2008, с. 130]. Строительство Транссиба совпало по времени с экспансией России в Китай и Маньчжурию, где было вероятным военно-политическое столкновение с другими странами, стремившимися к разделу Китая на сферы влияния. С учетом этого постройка Транссиба, несомненно, приобретала стратегический характер.

Однако в КСЖД не были обойдены вниманием и другие цели. Один из инициаторов строительства Сибирской железной дороги С. Ю. Витте в записке от 1 февраля 1893 г. предложил одновременно со строительством железной дороги развивать крестьянские переселения за Урал. Это предложение он достаточно подробно аргументировал экономическими и политическими выгодами. Концептуально предложения Витте были приняты, но с существенными изменениями. Например, Витте считал, что необходимо поощрять переселение малоземельных и безземельных крестьян (для борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России), а фактически было решено ориентироваться на переселение более состоятельных крестьян [РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37. Л. 2–3, 4–4об, 11]. В 1894 г. глава МВД разослал циркуляр, в котором фактически были обозначены 2 цели: удерживать переселенческое движение в определенных размерах и ориентироваться на переселение состоятельных и многорабочих семей [ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 39об.–40об.].

Дальневосточный вектор колонизации в 1893–1905 гг. был обозначен достаточно четко введением с 1 марта 1898 г. нового тарифа на перевозку

переселенцев и их багажа. Старый тариф $\frac{3}{10}$ копейки с человека за версту заменялся на новый стоимостью в $\frac{1}{4}$ от цены пассажирского билета III класса. В результате вводился принцип постепенного понижения платы в зависимости от увеличения расстояния. Изменился тариф на перевозку имущества переселенцев: вместо $\frac{1}{75}$ копейки с пуда вводилась пониженная ставка в $\frac{1}{100}$. Уменьшая путевые издержки, правительство подразумевало смещение вектора колонизации именно по направлению к Дальнему Востоку [ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393. Л. 12]. Как видно из материалов журнала заседаний КСЖД, колонизация Амурской области и Уссурийского края была предметом особой заботы правительства [ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4. Л. 19, 22, 62об.–64]. И для ускоренного освоения этого периферийного региона, удаленного от центра страны, с неразвитой инфраструктурой объективно был предпочтительнее контингент колонизаторов с некоторым начальным капиталом. Но в условиях прогрессирующего аграрного перенаселения, агрикультурного кризиса и регулярно повторяющихся неурожаев ежегодно на переселение стремились по большей части не имущественно состоятельные крестьяне, а те, которые видели в переселении возможность восстановить свое благосостояние. Поэтому фактически правительственная логика входила в противоречие с желаниями самих крестьян.

Отчеты и служебные записки губернаторов свидетельствуют, что политика отбора переселенцев по имущественному и семейному признаку реализовывалась на практике [РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 20. Л. 8–9, 74, 82–83об.]. Однако крестьяне находили способы обходить требования правительства, и сибирские губернаторы отмечали, что не все переселяющиеся соответствовали установленным требованиям [ГУТО ГАТ. Ф. И-479. Оп. 5. Д. 1. Л. 11].

Более успешно правительство справлялось с целью регулирования переселенческого движения. Регулирование предполагало ограничить

движение переселенцев определенными количественными рамками и не допускать неконтролируемой стихийности в крестьянских переселениях. Стремление к регулированию было вызвано несколькими причинами. Во-первых, количество переселяющихся было тесно связано с количеством заготовленного колонизационного фонда. Переселение всех желающих без ограничений при ограниченном запасе переселенческих участков могло дать только отрицательные результаты: неустроенных переселенцев, их разорение и обратное переселение. В этом не были заинтересованы ни правительство, ни сами крестьяне.

Во-вторых, количество переселенцев должно было соответствовать ассигнованным средствам на выдачу ссуд и пособий.

В-третьих, количество переселенцев было тесно связано с пропускной способностью железных дорог, наличием подвижного состава на железных дорогах и, наконец, с возможностью переселенческих пунктов размещать у себя переселяющихся, предоставлять им жилье, питание, медицинскую помощь и пр. Правительство учитывало опыт прошлых лет, когда неконтролируемые и стихийные переселения приводили к трагедиям. Например, в 1890 г. в Тюмени к 20 мая скопилось около 14000 переселенцев, в имевшихся переселенческих бараках поместилось не более десятой их части. Остальные расположились под открытым небом. Погода была почти зимняя (по ночам -4°C), и очень скоро среди переселенцев были зафиксированы инфекционные болезни – тиф, оспа, простудные заболевания, дифтерит. Дети начали заболевать десятками, каждый день к баракам привозили 10–15 гробов [Исаев, 1890, с. 27]. Похожая ситуация сложилась в 1889 г., когда в связи с ранним открытием навигации в апреле неожиданно для местной администрации в Пермь прибыло до 15000 переселенцев. Управление железной дороги прилагало усилия, чтобы отправить их далее в Тюмень, но среди переселенцев было несколько сотен бедняков, которые не только не могли купить железнодорожные билеты, но и не имели

средств на питание. Нередко нищенствовали. Они оставались в Перми около трех недель, жили в бараках, палатках, а то и вовсе под открытым небом. Погода была холодная с проливными дождями и сильными ветрами, а с 6 по 9 мая вообще шел снег. Среди переселенцев, особенно детей, стали появляться болезни [Медведев, 1891, с. 18]. Эти и подобные им трагические случаи были известны правительству. Поэтому курс на контроль над переселенческим движением, хотя и входил в противоречие с желаниями крестьян, но объективно был и в интересах самих крестьян.

Основным регулирующим механизмом в 1893–1905 гг. были временные запреты на переселение и посылку ходоков. Такие запреты в 1890-х – начале 1900-х вводились несколько раз и в целом достигали результатов. Так, в 1896 г., когда стало очевидно, что количество переселенцев явно превышает площадь заготовленных для них участков, глава МВД Горемыкин 15 июня и 14 июля разослал губернаторам циркуляры с требованием прекратить выдачу проходных свидетельств [Сибирские переселения..., 2006, с. 135–136]. В дополнение к этим циркулярам Переселенческим управлением 20 января 1897 г. был разослан циркуляр № 1 [ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–5; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 83. Л. 2–5.]. Его опубликование имело положительный эффект уже в 1897 г., когда численность переселенцев сократилась со 178 400 до 68 896 человек (см. таблицу 1). В 1900–1901 гг. в связи с мобилизацией войск Приамурского края, шел усиленный поток военных грузов на восток. В связи с этим была приостановлена выдача ходаческих и переселенческих свидетельств [РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 689. Л. 11–12, 43–44об., 67об.]. Это привело к сокращению числа переселяющихся практически вдвое: со 166248 человек в 1900 г. до 88964 в 1901 г. В 1904–1905 гг. в связи с Русско-японской войной правительство вновь распорядилось прекратить выдачу ходаческих и переселенческих документов, что привело к сокращению переселенческого движения более

чем вдвое: с 94289 человек в 1903 г. до 40001 в 1904 г. и 38760 в 1905 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Движение ходоков и переселенцев через Челябинск и Сызрань в 1896–1914 гг.

Годы	Прошло в прямом направлении		Прошло в обратном направлении		% обратных переселенцев
	переселенцев	ходоков	переселенцев	ходоков	
1896	178 400	11 910	22 906	7 009	12,8
1897	68 896	17 780	21 555	14 435	31,3
1898	148 317	54 403	18 317	37 736	12,3
1899	170 136	53 073	21 311	44 294	12,5
1900	166 248	53 017	42 582	47 084	25,6
1901	88 964	31 161	33 255	21 541	37,4
1902	81 921	29 009	25 716	22 154	31,3
1903	94 289	31 211	21 027	23 014	22,3
1904	40 001	6 731	9 901	5 696	24,8
1905	38 760	5 269	8 066	3 458	20,8
1896–1905	1 075 932	293 564	224 636	226 421	20,9
1906	139 064	77 584	13 659	32 603	9,8
1907	427 339	149 640	27 195	90 323	6,4
1908	664 777	94 035	45 102	76 102	6,8
1909	619 320	88 143	82 287	57 620	13,2
1910	316 163	36 787	114 893	32 052	36,3
1911	189 791	36 271	116 308	26 644	61,3
1912	201 027	58 558	57 319	41 069	28,5
1913	240 978	96 271	45 478	71 048	18,9
1914	241 874	94 535	27 594	69 377	11,4
1906–1914	3 040 333	731 824	529 835	496 838	17,4
1896–1914	4 116 296	1 025 388	754 471	723 259	18,3

Таблица составлена по данным: Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. : Изд. Пересел. упр., 1910. С. 62–63; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. : Изд. Переселен. упр., 1916. С. 72–82 (обобщенные данные и процентные показатели за 1896–1905, 1906–1914, 1896–1914 гг. подсчитаны мной – Д.Б.)

Хотя проводимая КСЖД переселенческая политика отличалась некоторой непоследовательностью и противоречиями, что отмечается в новейших исследованиях [Баскакова, 2007, с. 20], тем не менее, общий курс на расширение помощи переселенцам был очевиден. Так, с 1893 г. началось широкое строительство сети особых врачебно-продовольственных пунктов для переселенцев [Колонизация Сибири..., 1900, с. 184–185]. Было выделено 2949632 рубля для сооружения 36 врачебных и 20 фельдшерских пунктов вдоль пути переселенцев по Сибирской магистрали, а также до 15

врачебных и 10 фельдшерских пунктов по рекам и трактам, вне магистрали. На этих пунктах сооружались бараки для временного приюта ходоков и переселенцев, аптеки, работал врачебный персонал. Медпомощь и лекарства для переселяющихся были бесплатные. Продовольственная помощь оказывалась в виде продажи переселенцам продуктов и горячей пищи по заготовительным ценам, детям до 10 лет горячая пища предоставлялась бесплатно (взрослым в особых случаях тоже бесплатно). В 1894 г. была учреждена должность особого чиновника для заведывания переселенческим делом по линии Сибирской железной дороги. При нем в 1895 г. находилось 2 помощника (в 1902 г. штат помощников был увеличен до 14 человек). Они заведовали врачебно-продовольственными пунктами по линии Сибирской железной дороги и выдавали нуждающимся путевые пособия [Саблер, Сосновский, 1903. с. 307–309].

Фактически большая часть выдававшихся порций были бесплатными. В 1894–1901 гг. на 27 пунктах медицинскую помощь получили 519274 больных (из них 170718 – старожилы). За тот же период продовольственная помощь переселенцам была оказана в виде 3946747 порций горячей пищи, причем 3072599 порций были розданы бесплатно, также было выдано 471353 порции детям. Помимо этого, продовольственная помощь выражалась в снабжении переселенцев печеным хлебом в количестве 106447 пудов, из которых 77307 пудов были розданы бесплатно. Результаты этих мероприятий сказались довольно быстро в виде заметного уменьшения смертности среди переселенцев: в 1895 г. число умерших в пути сократилось до 1% от общего количества зарегистрированных переселенцев, в 1896 г. – 0,6, в 1898 г. – 0,23, а в 1901 г. – до 0,18% [Саблер, Сосновский, 1903, с. 310].

Одновременно с прокладкой рельсового пути вводились льготные тарифы на проезд для переселяющихся. С 1 марта 1894 г. был введен переселенческий тариф, по которому за проезд одной версты с каждого челове-

ка взималась плата 0,3 копейки. Дети до 10 лет перевозились бесплатно. Переселяющиеся могли также бесплатно взять 1 пуд багажа, за остальной багаж плата составляла $\frac{1}{75}$ копейки с пуда за версту. За лошадей и рогатый скот плата составляла 0,5 копейки с головы за версту [ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15. Л. 27]. В 1898 г. цена переселенческого билета понизилась до стоимости детского билета III класса. Если в 1890 г. затраты на проезд семьи из губерний средней полосы России до Томска составляли 57 рублей, то к 1903 г. – 15 рублей [Шиловский, 2003, с. 82]. В удаленные от станций железной дороги места водворения новоселы доставлялись бесплатно на пароходах по Иртышу, Шилке и Амуру [Пронин, 2003, с. 77].

Для устройства переселенцев КСЖД значительно расширил работы по заготовке колонизационного фонда. До 1893 г. переселенческие участки на казенных землях заготавливал Западно-Сибирский отряд, работавший крайне медленно – в 1885–1892 гг. отряд образовал 146 переселенческих участков площадью 430976 десятин [Дорофеев, 2009, с. 243]. В период деятельности КСЖД в дополнение к этому отряду были сформированы 4 землеотводные партии (по одной на сибирскую губернию). К 1902 г. число таких партий достигло 10. За 1893–1903 гг. в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Акмолинской и Семипалатинской областях было заготовлено 1600 участков площадью 6612860 десятин (из них 5490242 удобной земли) на 368452 душевых доли [Список переселенческих..., 1903, с. 7, 9, 17, 19, 27, 30–31, 33, 35, 46, 69–70, 78, 89, 104, 114, 125, 151, 154, 159, 162, 163, 168 (подсчеты мои. – Д.Б.)].

В целях помощи нуждающимся переселенцам была расширена ссудная помощь. После водворения в Сибири переселенцы могли получать ссуду на домообзаводство, продовольственную ссуду и ссуду на семена, безвозмездно лесной материал для хозяйственных и усадебных построек. По правилам 1894 г. предельный размер ссуды составлял 100 рублей на семью (для переселявшихся в Приамурский край – не более 150 рублей). В

1899 г. был увеличен льготный срок, после которого начиналась выплата ссуды (с 3 до 5 лет), допускалась выдача ссуд семьям, с момента водворения которых прошло более 3 лет [Сибирские переселения..., 2006, с. 188–189, 191, 193–195, 246–247, 251–252]. С 25 июня 1903 г. разные виды ссуд (на возведение жилищ, домообзаводство, обсеменение полей и продовольствие) были объединены в один вид ссуды под общим названием «на хозяйственное устройство» [РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1254. Л. 1–2об.].

В 1890-х – начале 1900-х гг., по официальным данным, из 74886 семей, водворенных на казенных землях Сибири (без Приморской и Семиреченской областей), ссуды получили 64892 семьи (около 87% всех водворенных), средний размер ссуды был равен 90,8 рубля [Статистические данные..., 1903, с. XII]. Для сравнения: по данным обследования 100 переселенческих поселков Тобольской губернии, возникших в конце 1870-х – 1893 гг., из числа водворившихся в 1883–1885 гг. ссудами воспользовались 47,9% семей, средний размер ссуды составил 38,6 рубля. В 1889–1891 гг. доля семей, воспользовавшихся ссудой, составила 63,5%, средний размер ссудной выплаты – 29,4 рубля [Материалы для изучения..., 1897, . С. 6–9 (Приложение б), 14–17 (Приложение г) (подсчеты мои. – Д.Б.)]. Сопоставление этих данных показывает, что в период деятельности КСЖД, во-первых, увеличилась доля переселенцев, получавших ссуды от государства, во-вторых, заметно выросли средние размеры самих ссуд.

Ссудную помощь в период деятельности КСЖД могли получать не только переселенцы, прибывшие с соблюдением всех правил, но и прибывшие самовольно. Об этом свидетельствуют инструкции МВД, губернаторские циркуляры [См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–3об., 162–163.] и различные ведомственные документы [См., например: ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 23; Д. 8. Л. 67–68; ГАОО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 9. Л. 100–100об.]. Хотя официально КСЖД ориентировался на переселение состоятельных крестьян, на практике ссудная помощь была нацелена

на помощь как раз нуждающимся малосостоятельным переселенцам. Такая практика прослеживается по циркулярам, распоряжениям, законодательным актам [См., например: РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 56. Л. 8–8об.; ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393. Л. 13–14; Д. 396. Л. 70об.–71] и подтверждается фактами. Так, при выдаче путевых ссуд в середине 1890-х гг. переселенческие чиновники осматривали имущество переселенцев, чтобы определить уровень состоятельности переселяющихся и выдавать пособия действительно нуждающимся [Дедлов, 1894, с. 98–101].

Поскольку землеотводные работы в 1890-х гг. стали распространяться в районы, удаленные от Сибирской дороги и старожильческих селений, переселенческие поселки стали возникать в местностях, где отсутствовала инфраструктура. В таких районах необходимо было строить водохранилища, колодцы, мосты, гати, дороги, общественные здания, церкви, школы и пр. В 1890-х гг. такое строительство общественно полезных зданий и сооружений осуществлялось в основном за счет благотворительности. В 1894 г. при КСЖД был создан особый благотворительный фонд им. Александра III, занимавшийся строительством школ и церквей в переселенческих поселках. Формировался этот фонд за счет частных благотворителей и из средств КСЖД [РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–8об.; Д. 14. Л. 8, 49; Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 6об., 7об., 11]. Однако размеры благотворительной помощи заметно отставали от реальных нужд. Так, к весне 1904 г. из 400 переселенческих поселков Тобольской губернии церкви были построены только в 26 [Батурина, 1999, с. 16–17]. За счет одной лишь благотворительности решить задачу формирования социальной инфраструктуры не представлялось возможным. Возникла потребность в особых ссудах на общепользные надобности. 15 июня 1902 г. были утверждены правила о выдаче ссуд на общепользные надобности. Для получения ссуды были необходимы приговор сельского схода или круговые ручательства от членов крестьянского товарищества. Ссуды носили беспроцентный характер,

их возврат предполагался через год после получения в течение 10 лет равными частями. В особых случаях возврат ссуд мог быть рассрочен на 20 лет [Инструкция о порядке..., 1902, с. 35–36]. В особых случаях практиковались выдачи безвозвратных пособий на общепользные надобности. В 1903 г. было выделено до 50000 рублей на выдачу в виде безвозвратных пособий на общепользные надобности [РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 24].

Были сделаны первые заметные шаги по организации гидротехнических и дорожно-строительных работ. В 1896–1905 гг. гидротехнические отряды Отдела земельных улучшений (ОЗУ) провели изыскания на 722 переселенческих участках во всех районах Азиатской России, построили 1308 колодцев и 17 искусственных водохранилищ [Переселение и землеустройство..., 1911, с. 61]. В 1895–1899 гг. осушительные работы охватили 184849 десятин, на которых было образовано 51 переселенческий участок [Тернер, 1901, с. 155]. В 1897–1902 гг. на дорожно-строительные работы было потрачено 25700 рублей, в 1903–1905 гг. кредитование на постройку дорог в колонизируемых районах увеличилось до 475000 рублей [Современное положение..., 1907, с. 65; Горбатовский, 1907, с. 11–12]. Во всех губерниях Азиатской России за 1903–1905 гг. было построено 1470 верст дорог. Эти дороги соединили переселенческие участки площадью до 500000 десятин с уже обжитыми районами Сибири [Переселение и землеустройство..., 1911, с. 65].

Нельзя не упомянуть о помощи, которую оказывали переселенцам сельскохозяйственные склады. Такие склады продавали семена, сельскохозяйственные орудия, инвентарь, в которых новоселы испытывали нужду. В 1895 г. были организованы сельскохозяйственные склады МВД и МЗиГи в Омске, Кургане и Петропавловске [Алтайский, 1907а, с. 22–23]. С декабря 1897 г. все склады вдоль линии Сибирской дороги перешли в ведение МВД [Сибирские переселения..., 2006, с. 250]. В 1904 г. в губерниях Сибири и областях Степного края таких складов было 28, а в 1905 г. – открылось еще

4. Продукция этих складов имела спрос у переселенцев. В 1906 г. склады реализовали товаров более чем на 3 млн рублей [Алтайский, 1907б, с. 10, 12].

В 1904 г. были опубликованы новые «Временные правила о переселении сельских обывателей». Эти правила учитывали плюсы и недостатки переселенческой политики КСЖД и заложили основу системы льгот для будущих Столыпинских переселений. Правила 1904 г. подтвердили льготы переселенцев на удешевленный проезд, их право на путевые и домообзаводственные ссуды, на бесплатное получение лесных материалов и право на отсрочку призыва в армию. Льготный период по уплате налогов был увеличен. По закону 1889 г. новоселы не платили казенные и земские денежные сборы в течение 3 лет и в течение последующих 3 платили в половинном размере. Теперь этот срок был увеличен до 5 лет [Высочайше утвержденные..., 1907, № 24701].

Таким образом, в период деятельности КСЖД правительство перешло к политике развития крестьянских переселений в Сибирь, значительно улучшило общую постановку переселенческого дела, расширило масштабы помощи переселенцам. Помощь переселенцам стала носить комплексный характер и оказывалась по всем ключевым направлениям (медицинская, продовольственная, ссудная, налоговая и т.п.). На осуществление этой помощи ежегодно выделялись значительные средства. Характер переселенческой политики определялся ее главными целями: в 1893–1905 гг. был взят курс на колонизацию Азиатской России и регулирование переселенческого движения.

Четвертый этап 1906–1910 гг. Этот этап связан с реализацией Столыпинской переселенческой политики. Правительством были обозначены две основные цели: укрепить восточные рубежи России и решить проблему аграрного перенаселения в губерниях Европейской России. Борьба с аграрным перенаселением была связана с прогрессирующим в Европейской

России сокращением земельных наделов и ростом количества безземельных. В 1906–1910 гг. среди переселенцев абсолютно преобладали малоземельные и безземельные крестьяне. Так, в 1906–1908 гг. среди переселенцев Черниговской губернии безземельные составляли 22,8%, имевшие до 3 десятин – 42,1% [Деятельность Черниговского..., 1910, с. 163]. В целом из числа переселившихся за Урал в 1907–1911 гг. 24,5% (82923 семьи) на родине земли не имели, а еще 130718 семей (38,6%) имели 1–3 десятины наделной земли на хозяйство [Турчанинов, 1913, с. 263].

В начале XX в. на официальном уровне был признан факт «оскудения» российской деревни. Фактически тем самым были признаны несостоятельными и надежды либеральных реформаторов середины XIX в. на общину, которая якобы предотвращала пролетаризацию крестьян. Именно в общинной России пролетаризация крестьян достигла гигантских размеров. В 50 губерниях Европейской России из 135958 общин бывших владельческих, удельных и государственных крестьян в 26123 (19,2%) общинах на двор приходилось в 1905 г. 5 и менее десятин земли. Из числа занятых сельскохозяйственной деятельностью 14,7 млн семей 2,2 млн относились вообще к безземельным, а еще 1187587 дворов имели 3 и менее десятин земли [Статистика землевладения..., 1907, с. 128, 176, 197 (подсчеты мои. – Д.Б.)].

Под давлением таких обстоятельств в правительстве вернулись к мысли использовать переселение как инструмент борьбы с аграрным перенаселением. Об этом без обиняков объявил возглавлявший Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Б. А. Васильчиков [Речь Главноуправляющего..., 1908, с. 418–419].

Не менее значимой была цель укрепления позиций России в Азии. После поражения в русско-японской войне агрессивная Япония вплотную приблизилась к дальневосточным рубежам Российской империи. Наиболее дальновидные люди прогнозировали, что будущая война с Японией будет

уже на территории самой России [Пестржецкий, 1908, с. 7]. Вызывал опасения и перенаселенный «дремлющий» Китай. Национальные интересы страны требовали усилить заселение Сибири и Дальнего Востока и укрепить восточные рубежи страны. Возглавивший в 1906 г. правительства П. А. Столыпин прекрасно понимал стратегическую цель переселений в Сибирь и на Дальний Восток, о чем неоднократно говорил в своих речах в Думе и Государственном совете [Столыпин, 1991, с. 119–129, 160–167].

Немаловажным было то, что цели правительства и крестьянства объективно совпадали. Для крестьян переселение было шансом восстановить свои хозяйства, преодолеть земельную тесноту и аграрное перенаселение. Поэтому провозглашенная правительством свобода переселений вызвала у крестьян широкий отклик. Причем высока была доля самовольных переселенцев, ехавших за Урал по паспортам, за свой счет, не по переселенческим, а по обычным тарифам. Если в 1896–1905 гг. за Урал проехало более 1 млн человек, то в 1906–1914 гг. – более 3 млн. При этом самовольные в 1906–1914 гг. составили 43,9% (1336212 человек) [Турчанинов, 1910, с. 74–85; Турчанинов, Домрачев, 1916, с. 72–81 (подсчеты мои. – Д.Б.)]. Высокий процент самовольных не оставляет сомнений в заинтересованности самих крестьян в политике переселений. Эта политика отвечала интересам крестьян.

В соответствии с поставленными целями правительство сняло ограничения на выдачу разрешений переселяться. Вопрос о возобновлении массовых переселений был решен еще в декабре 1905 г. [ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.], а 10 марта 1906 г. вышли временные правила, составившие фундамент Столыпинских переселений: разрешалось посылать ходяков для зачисления земель в Азиатской России без препятствий, при этом ходяки могли ехать по железным дорогам по льготному тарифу [Сборник узаконений..., 1907, с. 22; Сибирские переселения..., 2003, с. 136–138]. В правительстве окончательно отказались от идеи искусственно

подбирать контингент переселенцев по имущественному или семейному признаку. Переселяться могли все желающие крестьяне.

Основной задачей правительства в 1906–1910 гг. было обеспечение перевозки переселенцев и их первоначальное устройство. В 1906–1910 гг. 70% средств были ассигнованы на заготовку колонизационного фонда, врачебно-продовольственную помощь переселяющимся и выдачу домообзаводственных ссуд. Кредиты же связанные с развитием инфраструктуры колонизируемых районов, были незначительными. Например, ссуды на общепользные надобности составили лишь 3,5% [Материалы по земельному..., 1918, с. 4–5 (подсчитано мной – Д.Б.)].

Такой характер финансирования в 1906–1910 гг. было обусловлен, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, правительство воспринимало Сибирь в основном как «пустыню», которая должна принять излишек населения из Европейской России. Во-вторых, бюджет Переселенческого управления имел ограниченные размеры, и в условиях широкого наплыва переселенцев правительство вынуждено было форсировать самые простые мероприятия по перевозке и водворению переселенцев.

За предшествующий период правительством был накоплен значительный опыт по оказанию помощи переселяющимся. Была создана сеть врачебно-продовольственных пунктов по основным путям движения переселенцев, сформирована сеть складов, где можно было приобрести хозяйственные орудия, семена, лес и пр. Были законодательно оформлены льготы для переселенцев. В период Столыпинских переселений правительство продолжило и расширило этот курс. Также в правительстве постарались учесть недостатки в организации переселенческого дела, выявленные по итогам переселений в 1893–1905 гг.

В 1905–1906 гг. была проведена оптимизация переселенческих структур. Было создано Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), в состав которого было включено Переселенческое управление

[Об учреждении Комитета..., 1908, № 26172.]. Азиатская Россия была разделена на переселенческие районы. Под начало заведующего каждого района были переданы не только функции устройства переселенцев, но и землеотводное дело, гидротехнические и дорожно-строительные работы, строительство церквей, школ, хлебозапасных магазинов [Сборник узаконений..., 1907, с. 28–30].

Массовые переселения потребовали значительного расширения колонизационного фонда. Так, только в Tobольской губернии в 1906 г. колонизационный фонд за счет передачи казенно-оброчных статей фактически был увеличен почти на 700 000 десятин удобной земли. Причем речь шла не о глухих таежных районах, а о таких хлебородных уездах, как Ялуторовский, Тюкалинский и Ишимский [ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1об.]. Председатель Совета министров в телеграмме от 17 июля 1907 г. губернаторам сибирских губерний и степных областей подчеркнул государственное значение переселенческого дела и добавил, что при отводе переселенцам земель из лесных дач или оброчных статей в случае противоречия интересов фискальных и переселенческих, нельзя не отдавать преимущества последним [ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а. Л. 138–139]. Для удовлетворения нужд переселенцев была организована заготовка переселенческих участков на землях Кабинета. 19 сентября 1906 г. вышел указ о передаче казне пригодных для переселенцев земель [О передаче..., 1909, № 28357]. В 1907–1908 гг. для удовлетворения земельных нужд переселенцев без особых формальностей передавалось все, что было в наличии и что выбиралось самой переселенческой организацией [Обзор деятельности..., 1916, с. 44].

Для расширения колонизационного фонда правительственными структурами были организованы научные экспедиции в Сибирь. В 1907–1908 гг. при участии ряда ведущих ученых и специалистов в области ботаники и почвоведения К. Д. Глинки, П. В. Отоцкого, Н. И. Прохорова, Б. А.

Федченко и А. Ф. Флерова была выработана программа научных исследований: планировалось организовать около 20 экспедиций в колонизируемые районы Азиатской России [Татищев, 2001, с. 53–54].

Практическим результатом землеотводных работ в 1906–1910 гг. в четырех губерниях Сибири и Акмолинской области стало образование 5519 переселенческих участков на 789730 душевых долей (на площади 12953686 десятин) [Переселение и землеустройство..., 1911, с. 51].

Для организации перевозки переселенцев переселенческие структуры проделали огромный объем работы по ремонту и расширению врачебно-продовольственных пунктов. Так, к 1910 г. Челябинский пункт превратился в целый городок площадью в 10 десятин, который мог обслуживать до 10000 переселенцев в сутки [Тюкавкин, 2001, с. 241]. Как и в период деятельности КСЖД был продолжен курс на преимущественно бесплатную помощь переселяющимся. Так, 1906–1910 гг. переселенцы бесплатно получили 1795678 порций пищи, 1513002 фунта хлеба и 1688039 порций молочной пищи. Платно за тот же период было выдано 1158487 порций пищи и 312650 фунтов хлеба [Переселение и землеустройство..., 1911, с. 25].

За 1906–1910 гг. количество пунктов по продаже сельскохозяйственных орудий увеличилось с 48 до 113 [Переселение и землеустройство..., 1911, с. 16–17, 33]. Практический итог их деятельности стал заметен уже к 1910 г.: крестьянство Сибири было лучше обеспечено сельскохозяйственными орудиями: на 100 всяких орудий и машин в Степном крае и Сибири приходилось усовершенствованных 76,6, а в Европейской России только 57,1 [Азиатская Россия, 1914, с. 406–407].

19 апреля 1909 г. вышел новый закон о ссудах на общепользные надобности (на строительство школ, церквей, мельниц, дорог, плотин и пр.). Ссуды выдавались обществам, селениям и товариществам либо отдельным лицам по поручительству обществ, были беспроцентными, а могли выдаваться и в виде безвозвратных пособий [Сибирские переселения...,

2003, с. 80–82]. Для финансирования церковно-школьного строительства были привлечены Святейший синод и Министерство народного просвещения (МНП). В 1908 г. для строительства церквей в Томской губернии был учрежден епархиальный комитет, а для помощи новоселам в деле школьного строительства в 1909 г. – школьная комиссия [ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 48об.].

В 1906–1910 гг. заметно улучшилось положение со строительством дорог и гидротехнических сооружений в заселяемых районах. Если в 1903–1905 гг. затраты на постройку версты дороги обходились 150–200 рублей, и строились дороги временного характера, без боковых и отводных осушительных канав, по образному замечанию одного из чиновников, «условно проезжие» [Переселенческие дороги..., 1910, с. 2, 4–5], то с 1906 г. качество строившихся дорог улучшилось. До 1906 г. дорожные работы проводились без предварительных изысканий, с 1906 г. инженерные изыскания перед строительством стали обязательными, ассигнования на постройку одной версты дороги были увеличены до 300 рублей. В дальнейшем эта сумма увеличивалась в зависимости от типа дороги. Дороги стали строиться трех типов: магистральные, подъездные и хуторские. Магистральные дороги обходились в 1 200 рублей за версту, подъездные – в 900 рублей, хуторские – в 300 рублей [ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327. Л. 9об.–10об.].

С 1905–1906 гг. переселенческие участки обследовались гидротехниками на наличие водных источников и не должны были заселяться, пока не признавались обеспеченными водой. В районах, где встречались соленые воды, проводился химический анализ воды [ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 201. Л. 176–176об.; Оп. 19. Д. 66а. Л. 2об.]. Проводился также санитарный анализ воды, полученные результаты отправлялись в столицу [ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 222. Л. 56.].

Практические результаты дорожно-строительных и гидротехнических работ в 1906–1910 гг. нельзя отрицать: в 1906 г. гидротехники во всех переселенческих районах за Уралом провели изыскания на 201 участке, в 1907 г. – на 748, в 1908 г. – 1069, а в 1910 г. – на 1520. В 1906 г. за Уралом был построен 71 колодец, в 1908 г. – 460, в 1908 г. – 774, а в 1910 г. – 1466. Таким же образом увеличивались темпы дорожно-строительных работ: за 1906–1910 гг. было построено 7592 версты к участкам общей емкостью 250102 душевые доли [Переселение и землеустройство..., 1911, с. 63, 66].

Таким образом, государством был осуществлен комплекс практических мероприятий по улучшению организации и общей поставки переселенческого дела. Эти меры были нацелены на расширение практической помощи переселенцам в пути и на местах устройства.

Пятый этап 1911–1914 гг. Этот этап связан с изменением правительственного курса в переселенческой политике. Правительством были обозначены новые приоритеты, во многом ставшие результатом поездки в 1910 г. П. А. Столыпина и главы ГУЗиЗ А. В. Кривошеина в Сибирь. По итогам этой командировки Столыпин составил «Записку», где намечал новые задачи и направления переселенческой политики. Он оценил экономический потенциал Сибири, связанный с освоением миллионов пустовавших десятин земли и увеличением посевных площадей. Поскольку в некоторых губерниях рост посевных площадей опережал темпы прироста населения, то, по оценкам Столыпина, Западная Сибирь и Степной край могли уже в ближайшей перспективе иметь значительные излишки производимой аграрной продукции (хлеба и масла), для успешного сбыта этой продукции были намечены проекты железных дорог. Инструментом реализации замыслов Столыпина было дальнейшее развитие крестьянских переселений, причем последние уже не воспринимались как средство борьбы с аграрным перенаселением в Европейской России. Приоритетной стала цель колонизации Сибири [Кривошеин, Столыпин, 1911, с. 1, 3, 82–83, 93–

94, 98, 104, 106, 111–125]. Крестьянские переселения превратились в самостоятельное направление государственной политики. Был провозглашен лозунг, подхваченный правительственной печатью: «Заселение важнее переселения» [Островский, 1992, с. 100].

Содержание основной цели этапа 1911–1914 гг. ясно прослеживается по направлениям финансирования. Ассигнования на дорожно-строительные работы, гидротехническое дело и ссуды на общепользные надобности выросли до 27,1% от общих ассигнований на все нужды за 1911–1914 гг. и составили 30120 тыс. рублей [Материалы по земельному..., 1918, с. 4–5 (подсчитано мной – Д.Б.)]. Эти данные свидетельствуют о приоритетности курса на формирование в осваиваемых районах социальной инфраструктуры. Магистральной целью стало превращение Сибирского региона в один из основных сельскохозяйственных районов страны, а расширение государственного финансирования представляло собой капиталовложения в экономику и инфраструктуру Сибири.

В 1911–1914 гг. произошла не только смена приоритетных целей, но и корректировка инструментов реализации переселенческой политики. Если в 1906–1910 гг. правительство пыталось регулировать переселения путем административных мер, связанных с контролем и введением регулятивных правил, то после 1910 г. стали использоваться экономические рычаги для регулирования движения переселенцев. П. А. Столыпин считал правильным сделать более выгодным переселение в те районы, заселение которых правительством признавалось особенно необходимым. Для этого предлагалось расширить систему льгот переселяющимся в приграничные и трудно заселяемые местности. Эта мера должна была способствовать перераспределению переселенческого движения [Кривошеин, Столыпин, 1911, с. 16–18]. Была подтверждена также приоритетность заселения Восточной Сибири и Дальнего Востока – по закону 5 июля 1912 г. крестьяне, водворявшиеся в местностях, заселение которых признавалось необходи-

мым по государственным соображениям, часть домообзаводственной ссуды (не более $\frac{1}{2}$) получали в безвозвратное пособие [ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 115–115об.]. Непричисленные переселенцы в Западной Сибири могли беспрепятственно получать ходаческие свидетельства и тарифные удостоверения на проезд в Восточную Сибирь и Дальний Восток. Делалось это ввиду установленной правительством нужды Дальнего Востока и Восточной Сибири «в приливе русских людей» [ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8. Л. 166].

Намеченный Столыпиным новый курс начал выполняться, но в полном объеме не был реализован из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны. Однако нельзя отрицать промежуточные итоги этого курса.

За 1906–1915 гг. численность прямых переселенцев была почти в 3 раза выше, чем в 1896–1905 гг. Доля обратных переселенцев в годы Столыпинских переселений была несколько меньше, чем в предшествующее десятилетие (17,4% против 20,9%) (см. таблицу 1). Эти данные позволяют утверждать, что Столыпинская переселенческая политика нашла больший отклик со стороны крестьянства и была лучше организована, чем в предшествующий период.

Не подлежит сомнению, что абсолютное большинство переселенцев остались на новых местах. Комплексная система мер по оказанию помощи переселенцам в период Столыпинских переселений способствовала тому, что процесс становления хозяйств «столыпинских» новоселов шел быстрее, чем у переселенцев прошлых лет. По данным обследования, произведенного под руководством В.Я. Нагнибеды в 1911–1912 гг. среди новоселов Томской губернии, 82,8% переселенцев уже в первый год водворения на участке обеспечивали себя постройками, тогда как среди переселенцев, водворявшихся до деятельности КСЖД, лишь 56,7% смогли возвести постройки в первый год. То же обследование показало, что «столыпинские» переселенцы значительно чаще обзаводились земледельческим инвентарем

в первый год прибытия на участок. Так, из водворенных в 1909–1910 гг. 76,1% дворов приобрели сельскохозяйственные орудия в первый год, из переселенцев 1908 г. – 81,7, а из переселенцев 1904–1907 гг. – 78,6%. У «достопыпинских» переселенцев этот показатель значительно ниже. Из числа водворившихся в 1893–1903 гг. 68,4% дворов смогли приобрести земледельческий инвентарь в первый год, а у водворившихся до 1893 г. этот показатель был еще ниже – 59,9% [Нагнибеда, 1913, с. 100, 105]. И это при том, что «столыпинские» переселенцы были беднее, чем новоселы предшествующего периода. Например, среди переселявшихся в годы Столыпинских переселений доля семей, не имевших на родине земли и построек, была выше [Степынин, 1962, с. 309],

Об успешности адаптации новоселов можно судить по погашениям их задолженности перед сельскохозяйственными складами. К 1917 г. такая задолженность была почти полностью ликвидирована. За 1898–1916 гг. новоселами было приобретено в кредит товаров на общую сумму 38100973 рубля, из которой к 1917 г. было выплачено 36098569 рублей [Горюшкин, 1967, с. 394 (подсчет мой. – Д.Б.)]. Эти данные не оставляют сомнений в том, что переселенческие хозяйства в значительной части представляли собой кредитоспособные хозяйственные единицы.

Переселенцами были заселены и освоены ранее пустынные районы Западной Сибири, были основаны тысячи населенных пунктов. В одной только Кулундинской степи переселенцами было основано до 600 поселений на площади около 1 млн десятин. А всего в Алтайском округе за 1907–1914 гг. новоселы основали 3415 поселений с населением более 600 тыс. человек [Тютюкин, 1987, с. 93–94]. За 1898–1912 гг. число сельских обществ в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилось на 6 000 или на 80%. В Томской губернии и Акмолинской области число сел удвоилось, а в Амурской области – утроилось [История Сибири, 1968, с. 310].

В итоге царское правительство оставило в наследство для новой власти Сибирь с населением в 11 млн человек [Ефимкин, Ламин, 2010, с. 9]. Освоение и заселение Сибири в 1906–1914 гг. значительно упрочило положение России на Дальнем Востоке. Поэтому можно считать, что стратегическая задача заселения Сибири в целом была решена. Сибирь и Дальний Восток были закреплены за Российским государством. Этот факт был признан даже историками, считавшими Столыпинские реформы провалившимися. Так, А. М. Анфимов связал успешность борьбы против интервентов в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке с решавшейся в период Столыпинских переселений стратегической задачей заселения Азиатской России [Анфимов, 1996, с. 87]. Современные историки также отмечают, что Столыпинские переселения замедляли катастрофический рост малоземелья в Европейской России [Тюкавкин, 2001, с. 253] и за счет переселений удалось нейтрализовать негативное влияние роста населения. Это расценивается как положительный результат переселенческой политики [Нефедов, 2009, с. 95–96].

Успешно решалась и другая магистральная задача, намеченная Столыпиным в 1910 г., – превращение Сибири в один из главных сельскохозяйственных районов страны. На огромном фактическом материале отечественными историками было доказано, что благодаря крестьянским переселениям в Сибирь в начале XX в. стремительно увеличивались посевные площади, валовые сборы зерновых и неуклонно возрастал вывоз зерна из Сибири. Только за период Столыпинских переселений вывоз хлеба вырос в 3 раза. Причем возможности для дальнейшего роста торгового земледелия в районах интенсивной колонизации к 1914 г. далеко не были исчерпаны и содержали в себе значительные резервы. По инициативе Столыпина в 1911–1913 гг. был отменен Челябинский тариф, что придало дополнительный импульс для роста торгового земледелия. Если в 1901–1910 гг. по Сибири среднегодовой прирост посевных площадей зерновых культур со-

ставлял 84,4 га, то в 1913–1916 гг. – 188,2 тыс. га [История Сибири, 1968, с. 312–315].

Не менее динамично развивалось в период массовых крестьянских переселений в Сибири и торговое мясное скотоводство. Среднегодовой вывоз мяса из Сибири накануне Первой мировой войны составлял 2,8 млн пудов. Сибирское мясо стремительно завоевывало рынки Санкт-Петербурга и Москвы. Если в 1903–1907 гг. сибирское мясо на рынках этих городов составляло 10–12%, то в 1908–1913 гг. уже 45–50%. Причем и в этой сфере имелись резервы для увеличения вывоза: сибирские крестьяне предлагали настолько много мяса, что не хватало холодильников и вагонов-ледников для его вывоза [История Сибири, 1968, с. 317–318].

Еще больших успехов достигло производство в Сибири товарного масла. П. А. Столыпин в своей «Записке» отмечал динамику развития этой отрасли: в 1894 г. из Сибири было вывезено всего 400 пудов масла, а в 1907 г. – уже 3413640 пудов. Государственная значимость развития в Сибири маслоделия подчеркивалась тем, что в 1907 г. было экспортировано сибирского масла на 47 млн рублей. По признанию П. А. Столыпина, сибирское маслоделие давало золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность [Кривошеин, Столыпин, 1911, с. 108]. Сибирское масло стремительно завоевывало внешние рынки, его стоимость выросла с 11 до 15 рублей за пуд. В 1911–1913 гг. в среднем в год из Сибири вывозилось масла более, чем на 66 млн рублей. Сибирское масло заняло четвертое место в списке всех экспортируемых из России сельскохозяйственных товаров. Накануне Первой мировой войны Сибирь по вывозу масла заняла ведущее место на международном рынке. Высокое качество сибирского масла было признано даже в Дании, которая являлась одним из основных экспортеров сливочного масла [История Сибири, 1968, с. 318–319].

Фактически уже к 1914–1916 гг. благодаря массовым крестьянским переселениям Сибирь превратилась в динамично развивающийся сельско-

хозяйственный регион, имевший очень мощный потенциал для дальнейшего развития.

Таким образом, переселенческая политика в 1861–1914 гг. прошла через 5 этапов, приоритетность целей этой политики претерпевала изменения. Одной из основных целей было стратегическое усиление позиций Российской империи в Азии и на Дальнем Востоке. Эта цель отчетливо была обозначена на рубеже XIX–XX вв., а после русско-японской войны стала приоритетной. Реализация этой цели четко прослеживается по ведомственным и нормативным документам. Другие цели правительства менялись в зависимости от политической конъюнктуры и экономических приоритетов.

Успешность укрепления позиций Российской империи в Сибири и на Дальнем Востоке прямо зависела от успешности адаптации новоселов на новых местах. Данные статистических обследований свидетельствуют, что абсолютное большинство переселенцев в начале XX в. уже в первый год обзаводились постройками и хозяйственным инвентарем. К началу Первой мировой войны Сибирь стала одним из основных сельскохозяйственных районов, производивших зерно, мясо и масло.

Библиографический список

1. Азиатская Россия. – Санкт-Петербург : Т-во «А. Ф. Маркс», 1914. – Т. II. Земля и хозяйство. – 638, II с.
2. Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. – Томск : Изд. В. А. Грива, 1890. – 436 с.
3. Алтайский, Б. Судьбы переселенческих складов в Сибири / Б. Алтайский // Сибирские вопросы. – 1907а. – № 31. – С. 21–24.
4. Алтайский, Б. Судьбы переселенческих складов в Сибири / Б. Алтайский // Сибирские вопросы. – 1907б. – № 32. – С. 9–15.

5. Анфимов, А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 / А. М. Анфимов. – Москва : Наука, 1980. – 238 с.
6. Анфимов, А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) / А. М. Анфимов // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ежегодник, 1996. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – С. 60–95.
7. Баскакова, И. В. Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX вв. в контексте правительственной переселенческой политики : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Баскакова Ирина Владимировна. – Горно-Алтайск, 2007. – 23 с.
8. Батурина, Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Батурина Тамара Васильевна. – Новосибирск, 1999. – 26 с.
9. Белянин, Д. Н. Государственная политика в сфере церковного строительства в переселенческих поселках Сибири на рубеже XIX – начале XX вв. / Д. Н. Белянин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25. – № 4. – С. 17–21.
10. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.) / Д. Н. Белянин. – Кемерово : КузГТУ, 2003. – 176 с.
11. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1876 г. – [Б.м. : б.и, б.г.] – 45 с.
12. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров о водворении в Алтайском округе государственных крестьян // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр-е 2-е. – Санкт-Петербург, 1867. – Т. 40. – Ч. 1. – № 42353.
13. Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – Санкт-Петербург, 1907. – Т. 24. – Отд. 1. – № 24701.
14. Гизей, Ю. Ю. Школьное строительство в переселенческих поселках в 1906–1913 гг. (на примере Томского переселенческого района) / Ю. Ю. Гизей // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3 (51). – С. 51–54.
15. Горбатовский, Ю. Переселенческое дорожно-строительство / Ю. Горбатовский // Сибирские вопросы. – 1907. – № 24. – С. 10–15.
16. Горюшкин, Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, 1967. – 412 с.
17. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 9.
18. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольск (ГУТО ГАТ). Ф. И-3. Оп. 1. Д. 393.

19. ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 4.
20. ГУТО ГАТ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 396.
21. ГУТО ГАТ. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а.
22. ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 14.
23. ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 15.
24. ГУТО ГАТ. Ф. И-335. Оп. 1. Д. 53.
25. ГУТО ГАТ. Ф. И-479. Оп. 5. Д. 1.
26. ГУТО ГАТ. Ф. И-534. Оп. 1. Д. 4.
27. ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 4.
28. ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5.
29. ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 8.
30. ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 327.
31. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221.
32. ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56.
33. ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 201
34. ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 222..
35. ГАТО. Ф. 239. Оп. 19. Д. 66а.
36. Дамешек, Л. М. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начале XX вв. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – №4 (16). – С. 201–210.
37. Дедлов, В. Л. Переселенцы и новые места : путевые заметки / В. Л. Дедлов. – Санкт-Петербург : Изд. М. М. Ледерле и К°, 1894. – 201 с.
38. Деятельность Черниговского губернского земства по переселению за 1909 год. – Чернигов : Тип. губ. земства, 1910. – 228 с.
39. Доклад Рязанской губернской земской управы о переселениях на юг губернии Рязанскому губернскому земскому собранию XVII очередного созыва. – Рязань : Тип. наследников З. П. Позняковой, 1881. – 66 с.
40. Ефимкин, М. М. Сибирское демографическое пространство : формирование, развитие, перспективы / М. М. Ефимкин, В. А. Ламин // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. – Новосибирск : Параллель, 2010. – Вып. 1. – С. 3–23.
41. Захарова, Н. В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Захарова Наталья Викторовна. – Воронеж, 2004. – 23 с.

42. Зуева, Н. С. Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Москва, 2016. – 31 с.
43. Ильиных, В. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. : материалы к монографии / В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. – 170 с.
44. Инструкция о порядке водворения и устройства переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1902. – 81 с.
45. Исаев, А. А. С переселенцами / А. А. Исаев // Северный вестник. – 1890. – № 11. – С. 11–38.
46. История Сибири. – Ленинград : Наука, 1968. – Т. 3. – 530 с.
47. Канн, С. К. Комитет Сибирской железной дороги как орган управления национальным проектом / С. К. Канн // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 129–131.
48. Карпинец, А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Карпинец Алексей Юрьевич. – Кемерово, 2003. – 24 с.
49. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – IX, 349, 81 с.
50. Кривошеин, А. В. Поездка в Сибирь и Поволжье / А. В. Кривошеин, П. А. Столыпин. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1911. – 4, 170 с.
51. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1900. – III, IX, 374 с.
52. Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – начало XX в.) / Н. Н. Аблажей [и др.]. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. – 206 с.
53. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х годов до 1873 г.). – Москва : т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. – Т. 2. – V, 121, 29 с.
54. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. – Петроград : Тип. М. П. Фроловой, 1918. – Вып. 6 : Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. – 41 с.
55. Медведев, Н. Н. Переселенцы в Сибири / Н. Н. Медведев. – Санкт-Петербург : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1891. – 68 с.

56. Нагнибеда, В. Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский / В. Я. Нагнибеда. – Томск : Тип. В. М. Перельман, 1913. – Вып. 1. – XXX, 281, 30 с.
57. Нефедов, С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции / С. А. Нефедов. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2009. – 209 с.
58. Никоненко, Д. В. Переселенческая политика в российском законодательстве 1861–1889 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Никоненко Дмитрий Валентинович. – Новосибирск, 2006. – 24 с.
59. О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – Санкт-Петербург, 1891. – Т. 9. – Отд. 1. – № 6198.
60. О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного Управления Землеустройства и Земледелия для образования переселенческих участков // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – Санкт-Петербург, 1909. – Т. 26. – Отд. 1. – № 28357.
61. О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давнего времени // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – Санкт-Петербург, 1878. – Т. 51. – Отд. 1. – № 56571.
62. О распространении Высочайше утвержденного 9 апреля 1869 года положения Главного Комитета о переселенцах Оренбургской губернии на губернию Уфимскую и на проживающих в сих губерниях горнозаводских мастеровых казенных и частных заводов и бывших удельных крестьян // ПСЗРИ. – Собр-е 2-е. – Санкт-Петербург, 1874. – Т. 46. – Отд. 1. – № 49230.
63. Об учреждении Комитета по земельным делам и о преобразовании Министерства Земледелия и Государственных Имуществ в Главное Управление Землеустройства и Земледелия // ПСЗРИ. – Собр-е 3-е. – Санкт-Петербург, 1908. – Т. 25. – Отд. 1. – № 26172.
64. Обзор деятельности Округа за пятилетие (1911–1915 гг.). – Барнаул : Тип. упр. Алт. округа, 1916. – 196 с.
65. Островский, И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. – Новосибирск : Наука, 1992. – 144 с.
66. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. : отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. – Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. – 501 с.

67. Переселенческие дороги в Томской губернии : отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н. П. Рахманова. – Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. – 23, 5 с.
68. Пестржецкий, Д. Заселение окраин / Д. Пестржецкий. – Санкт-Петербург : Тип. газеты «Россия», 1908. – 55 с.
69. Пожарская, К. А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Пожарская Ксения Александровна. – Барнаул, 2009. – 23 с.
70. Пронин, В. И. Роль государства в развитии переселенческого движения крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX в. / В. И. Пронин // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С.76–80.
71. Разгон, В. Н. Столыпинские мигранты в Алтайском округе : переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация: монография / В. Н. Разгон, А. А. Храмков, К. А. Пожарская. – Барнаул : АЗБУКА, 2013. – 348 с.
72. Ремнев, А. В. Комитет Сибирской железной дороги как орган регионального управления / А. В. Ремнев // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв. : сборник. Труды проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии. Вып. 2. – Томск : ТГУ, 1994. – С. 41–49.
73. Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века : фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сова, 2005. – 196 с.
74. Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б. А. Васильчикова в Комиссии Государственной Думы по Переселенческому делу 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. – 1908. – № 2. – С. 418–419.
75. Риттих, А. Ф. Переселения / А. Ф. Риттих. – Харьков : Типо-литогр. окружного штаба, 1882. – II, 90 с.
76. Родигина, Н. Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Родигина Наталья Николаевна. – Новосибирск, 1997. – 23 с.
77. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 154.
78. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 20.
79. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 56.
80. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 83.

81. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 689.
82. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1254.
83. РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 37.
84. РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77.
85. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 13.
86. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 14.
87. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49.
88. Саблер, С. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С. В. Саблер, И. В. Сосновский. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1903. – VII, II, 451 с.
89. Сафронов, С. А. Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906–1917 гг.) : автореф. дис. .... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сафронов Сергей Алексеевич. – Иркутск, 1996. – 23 с.
90. Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. – XII, 181 с.
91. Сибирские переселения : документы и материалы. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – 198 с.
92. Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сборник документов. – Новосибирск : ИД «Сова», 2006. – Вып. 2. – 263 с.
93. Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и на других пунктах) в 1885–1895 гг. – Тюмень : Тип. Л. К. Высоцкой, 1899. – Вып. 1. – 356 с.
94. Смирнова, В. Е. Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Смирнова Вера Ефремовна. – Челябинск, 1998. – 17 с.
95. Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Государственной Думы. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. – 96 с.
96. Список переселенческих и запасных участков, образованных с 1893 года по 1-ое июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. – Санкт-Петербург : Тип. м-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 14. – 199 с.

97. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. – Санкт-Петербург : «Центральная» типо-литограф. М. Я. Минкова, 1907. – 199, L, 7 с.
98. Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1899 и 1900 гг. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1903. – XVII, 423 с.
99. Степанов, В. Л. Н. Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80–90-е годы XIX века / В. Л. Степанов // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1987. – С. 103–123.
100. Степынин, В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ин-т, 1962. – 561 с.
101. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия... : Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – Москва : Мол. гвардия, 1991. – 411 с.
102. Татищев, А. А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921) / А. А. Татищев. – Москва : РУССКИЙ ПУТЬ, 2001. – 376 с.
103. Тернер, Ф. Государство и землевладение / Ф. Тернер. – Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. – Ч. 2. – 422 с.
104. Турчанинов, Н. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине / Н. Турчанинов // Вопросы колонизации. – 1913. – № 12. – С. 244–265.
105. Турчанинов, Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. / Н. Турчанинов. – Санкт-Петербург : Изд. Пересел. упр., 1910. – VIII, 85 с.
106. Турчанинов, Н. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. / Н. Турчанинов, А. Домрачев. – Петроград : Изд. Переселен. упр., 1916. – 81 с.
107. Тютюкин, В. И. Освоение переселенцами земель Алтая в 1907–1914 гг. / В. И. Тютюкин // Алтай в прошлом и настоящем. – Барнаул : Арх. отд. Алт. крайисполкома, 1987. – С. 93–95.
108. Уманец, Ф. М. Колонизация свободных земель России / Ф. М. Уманец. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1884. – 243 с.
109. Ус, Л. Б. «Вспомогательные предприятия» Комитета Сибирской железной дороги / Л. Б. Ус // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 2. – С. 36–39.
110. Утиспаева, Ж. А. Медицинская помощь в Челябинском переселенческом пункте в конце XIX века / Ж. А. Утиспаева // Архив в социуме – социум в архиве : материалы региональной научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. – Челябинск : ОАО «Челябинский Дом печати», 2018. – С. 160–162.

111. Филимонов, А. В. Финансирование переселенческого дела на восточных окраинах Российской империи : государственная политика и практики второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Омск, 2018. – 18 с.
112. Фортун, А. А. Участие уездных земств в переселенческой политике (конец XIX – начало XX вв.) / А. А. Фортун // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. – 2018. – Т. 10. – С. 69–74.
113. Чиркин, Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX века / Г. Ф. Чиркин // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. – Пг. : 28-ая гос. тип., 1922. – Вып. 2. – С. 83–136.
114. Чуркин, М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М. К. Чуркин. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – 376 с.
115. Чуркин, М. К. Переселенческое движение в Западную Сибирь в решениях и оценках российского правительства (1861–1905 гг.) / М. К. Чуркин // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №. 4(35). – С. 261–266.
116. Шиловский, М. В. Система льгот для переселяющихся в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) / М. В. Шиловский // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 81–85.
117. Ядринцев, Н. М. Наши выселения и колонизация / Н. М. Ядринцев // Вестник Европы. – 1880. – №. 6. – С. 448–486.
118. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – XII, 471 с.
119. Ямзин, И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян / И. Л. Ямзин. – Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1912. – 198 с.

STAGES, GOALS AND RESULTS OF THE PEASANT POLICY RESETTLEMENT IN SIBERIA IN 1861-1914.

The article is devoted to analysis of state policy of agrarian-peasant colonization of Siberia in second half XIX – early XX centuries. Government target of resettlement for this period has changed several times. In accordance with the changing goals, the author identifies several stages of resettlement policy, identifies the characteristics and features of each stage. The results of the state policy of peasant resettlement was the consolidation of Russia in Siberia and the far East and the economic development of vacant land.

Key words: peasant resettlement, agrarian colonization of Siberia, resettlement policy of the Committee of the Siberian railway, Stolypin resettlement policy, the results of peasant resettlement.